

Будаев Э.В., Чудинов А.П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОВЕТОЛОГИЯ
ЭПОХИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ¹

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. В статье определяются особенности развития лингвистической советологии в годы холодной войны: максимальная идеологизация, тенденции к резкой критике, разоблачению, ярко выраженный антисоветизм. Дается характеристика наиболее показательных публикаций.

Ключевые слова: лингвистическая советология, холодная война, методология советологии, контент-анализ, количественная семантика, риторическая критика, психолингвистические методики, социолингвистический анализ.

Сведения об авторе: Будаев Эдуард Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия.

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57.
E-mail: aedw@rambler.ru.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, проректор по научной и инновационной деятельности, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
E-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Для лингвистической советологии середины прошлого века – это период максимальной идеологизации, когда главным нередко становилось не изучение, а разоблачение. После Второй мировой войны отношения Советского Союза со странами Западной Европы и США резко изменились. На смену военному союзу объединенных наций пришла эпоха, которую ярко характеризовали доминантные политические метафоры «холодная война», «железный занавес», «равновесие страха» и «охота на ведьм». Лингвистическая советология в это время стала восприниматься как изучение языка враждебной страны и методики вражеской пропаганды, эффективность которой признавалась всеми серьезными специалистами. Если на предшествующем этапе советологи пытались выяснить, в чем особенности советской политической коммуникации, то в послевоенный период основное внимание было перенесено на прагматический аспект, поиск причин ее эффективности, а также на создание рекомендаций по антисоветской пропаганде [Будаев 2008; Будаев, Чудинов 2007, 2009].

Budaev E.V., Chudinov A.P.
Nizhny Tagil, Ekaterinburg, Russia
LINGUISTIC SOVIETOLOGY
DURING COLD WAR

ГЧТИИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper reviews the features of linguistic sovietology during Cold War: maximal ideologization, inclination for sharp criticism and unmasking, strongly pronounced anti-Sovietism. The assumptions are illustrated by the most revealing publications.

Key words: linguistic sovietology, Cold War, methodology of sovietology, content analysis, quantitative semantics, rhetorical criticism, psycholinguistic methods, sociolinguistic analysis.

About the author: Budaev Eduard Vladimirovich, candidate of philology, associate professor of the chair of foreign languages.

Place of employment: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy.

Address: 622031, Ekaterinburg, ul. Krasnogvardeyskaya, d. 57.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, vice-rector for academic and innovative activities, doctor of philology, professor, head of the chair of rhetoric and intercultural communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Новая историческая реальность, непредсказуемость в поведении советских вождей требовала от исследователей расширения методологической базы изучения дискурса с целью добиться более адекватного представления о советском политическом мышлении и решения задач по прогнозированию политической деятельности. Анализируя развитие советологии в это время, Д. Белл писал: «Если ад, как однажды сказал Томас Гоббс, это слишком поздно обнаруженная истина, то дорога в ад должна быть уже два раза устлана тысячами книг, утверждающих, что им известна истина о России, а адские пытки уготованы для тех (преимущественно дипломатов), кто полагал, что в состоянии правильно предсказать, как будут действовать советские вожди, и в самонадеянном убеждении вершил судьбы миллионов людей» [Bell 1958: 44].

Одним из нововведений лингвистической советологии в эти годы стало расширение исследовательского инструментария за счет методов количественной семантики. В 1949 году была опубликована коллективная монография «Language of Power: Studies in Quantitative Semantics» («Язык власти: Исследования по количественной семантике») [Language of Power 1949], значительная часть которой была по-

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

священа политической коммуникации в Советском Союзе. Гарольд Лассвелл, Натан Лейтес, Сергиус Якобсон и другие исследователи на основе анализа коммуникативной практики коммунистов и иного подобного речевого материала выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц, их частотностью и политическими процессами. Так, в совместном исследовании Сергиуса Якобсона и Гарольда Лассвелла «Первомайские призывы в Советской России (1918 – 1943)» было выделено 11 категорий ключевых символов (обозначение «своих» и «чужих», использование национальной и интернациональной символики, обращение к внутренней и внешней политике и др.), а затем проведено исследование их частотности на различных этапах развития СССР. Авторы показывают, что такое исследование позволяет лучше понять динамические процессы в господствующей идеологии и нюансы советской политики.

В конце 40-х гг. советские языковые новообразования привлекают внимание и европейских специалистов. В отличие от американских исследователей, определяющих свои публикации как изучение советского политического языка, европейцы предпочитали говорить о новых явлениях в русском языке, хотя политический контекст подобных исследований не вызывал сомнений. К числу таких работ относится, в частности, монография Г. Кляйна, посвященная изучению советских аббревиатур [Klein 1949]. Эта книга воспринимается как своего рода справочник для людей, которые хорошо знают «дореволюционный» русский язык, но не знакомы с новыми советскими реалиями и их обозначениями (ВДНХ, ВКП(б), ЦИК, облсовпроф и др.).

По мере того как военное сотрудничество между СССР и странами Запада переросло в холодную войну, зарубежные исследователи стали обращать самое пристальное внимание на внутри- и внешнеполитические средства советской пропаганды. В это время появляется книга Алекса Инкелеса «Public Opinion in Soviet Russia: A Study in Mass Persuasion» («Общественное мнение в Советской России: Исследование массового убеждения») [Inkeles 1950]. Помимо рассмотрения советской информационной политики она содержала анализ интервью с бывшими гражданами СССР. А. Инкелес пришел к выводу об «абсолютном» контроле СМИ советскими властями. Вместе с тем автор резюмировал, что «система советской коммуникации далека от того, чтобы обеспечивать тотальное убеждение населения, ее эффективность гораздо ниже того уровня, которого советские лидеры хотели бы достигнуть» [Inkeles 1950: 319].

Еще одним методологическим новшеством стала монография Натана Лейтеса «A Study in Bolshevism» (Исследование большевизма) [Leites 1954]. Будучи американским исследова-

телем, Н. Лейтес ставил перед собой прагматические цели: советский язык интересовал его в первую очередь как способ распутать механизмы загадочного большевистского (русского) мышления, как шаг к прогнозированию политических реакций коммунистических лидеров.

В этом труде Н. Лейтес исследовал образы, фантазии, характерные метафоры, используемые большевистскими лидерами (в основном использовались труды Ленина и Сталина), а также «литературные модели», с которыми большевики себя идентифицировали или которые отвергали. По словам Н. Лейтеса, существует мало культур, которые смогли так рельефно запечатлеть в своей литературе типы национального характера. В частности, автор выделяет поведенческие модели, связанные с образами Карамазова, Раскольникова, Мышкина, Верховенского, Рудина, Чичикова, Обломова, чеховских героев. Анализируя отношение к этим поведенческим моделям в большевистском дискурсе, автор определил, какие «психологические маски» принимаются, а какие отвергаются большевистскими лидерами и, соответственно, с какой моделью мышления и поведения они себя идентифицируют.

Используя эти модели, Н. Лейтес обратился к методам фрейдизма в попытке высветить «латентные значения» большевистских образов. Проанализировав около 3 тысяч большевистских цитат, Н. Лейтес отмечает такие фобии, как «страх импотенции», «фобия заражения» («чистка партии»), «боязнь быть избитым» (как например, в знаменитом выступлении Сталина перед управленцами советской промышленности в 1931 г., в котором образ избития и избиваемого используется одиннадцать раз в одном параграфе) и др.

Исследователь приходит к выводу о том, что модель большевистского поведения формировалась как отрицательная реакция на Обломовых, которые проспали свою жизнь; на Рудиных, болтунов высокого полета, которые ничего не делают; на философию толстовского Каратаева. Большевистский дискурс пронизывает новый принцип «КТО КОГО», который Н. Лейтес разворачивает в радикальную формулу «КТО КОГО УБЬЕТ». Сопоставление дискурса большевистской элиты с мировоззрением русской интеллигенции XIX века привело Н. Лейтеса к выводам о том, что основоположником этого принципа был В. И. Ленин, «отец» большевистского дискурса и большевистского образа, которому и следовали «дети-ленинцы». Если элита XIX века легко поддавалась перемене настроения и для нее были характерны «задумчивость», «интроспективность», «поиски души», то представители большевистской элиты характеризуются исследователем как жесткие, подозрительные, неподатливые, агрессивные. Их отношение к действительности и поступки, по мысли исследователя, во многом

напоминают мировосприятие и деятельность религиозных фанатиков.

Натан Лейтес пишет, что фашистские ученые перед вторжением в СССР тоже изучали русский характер по произведениям классической русской литературы, но они не сопоставляли эти данные с большевистским дискурсом (очевидно, что фашистской элите не нужны были «открытия» в области исследования тоталитарных дискурсов). В результате, фашистская армия ожидала увидеть на полях сражений апатичных чеховских героев и Обломовых, а встретила Маресьевых, Матросовых и Панфиловых. Это, по мнению исследователя, служит еще одним аргументом в пользу важности изучения исторической динамики развития русского национального характера.

В эпоху холодной войны, советские пропагандисты, как правило, представлялись не как люди, искренне верящие в идею коммунизма, а как бессовестные, ни во что не верящие лжецы. Так, в широко известной статье Гарольда Лассвелла «Стратегия советской пропаганды» сделан вывод о том, что «ставя перед собой цель мирового господства, которое рассматривается как нечто само собой разумеющееся, кремлевская верхушка не ограничивает себя какими-либо моральными принципами относительно выбора сообщения, канала или аудитории. Советские пропагандисты и их агенты могут без стеснения лгать и искажать факты, поскольку нечувствительны к призывам к сохранению человеческого достоинства. Для них не существует понятия человеческого достоинства в другом смысле, нежели достоинства вклада в победу государства свободной личности путем служения настоящей и будущей власти кремлевской элиты» [Лассвелл 2009: 184]. По мнению автора указанной статьи, «основной стратегической целью пропаганды в Советском Союзе является «экономия материальных затрат на защиту и расширение советской власти внутри и за пределами государства» [Лассвелл 2009: 184].

Лассвелл стремится выделить особенности советской пропаганды на разных стадиях захвата власти: «На ранней стадии проникновения в новое сообщество основной задачей пропаганды является помощь в формировании первичных центров, которые на следующих стадиях возьмут на себя руководящую роль. Когда они набираются достаточно сил, чтобы воспользоваться коалиционной стратегией, задачей становится поддержание сепаратизма, усиленного пропагандой, чтобы предотвратить формирование или уничтожить потенциально более сильные объединения. Стимулирование спокойствия, отвлечение внимания на общего врага, провоцирование раскола между потенциальными врагами (включая и временных союзников) являются направлениями стратегии, подлежащей выполнению. На стадии захвата власти стратегией пропаганды становится де-

морализация, которая осуществляется совместно с тактикой террора, как средства внушения всем «неизбежной» победы советской власти и безнадежности, даже безнравственности сопротивления или отказа от сотрудничества [Лассвелл 2009: 182].

В книге И. де Сола Пула «Символы демократии» [de Sola Pool 1952] (1952) при рассмотрении смыслового варьирования слова «демократия» в различных странах дается следующая характеристика: «Пресса при Сталине имела склонность представлять картину в черно-белых тонах, когда свой никогда не может ошибиться, а враг никогда не может быть прав и когда любая характеристика либо положительна, либо отрицательна и лишена неопределенности. Так, партия не вдается более в диалектические рассуждения о характеристиках, делающих эту партию ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ, и в то же время популярная пресса осуждает обычную ДЕМОКРАТИЮ или социал-демократию. Данные антикоммунистические формы демократии лишаются каких-либо прав называться демократиями. Их сторонники объявляются совсем не демократами, а теми, кто лишь притворяется демократами в целях демагогии. Их называют «социал-фашистами» или «лакеями американского империализма». Термины «ДЕМОКРАТ» и «ДЕМОКРАТИЯ», которые сначала чаще интерпретировались отрицательно, нежели положительно, таким образом приобретают однозначно позитивное значение после определенного периода затишья, в течение которого они почти не употреблялись» [цит. по Де Сола Пул 2009: 180]. Автор даже не считает необходимым прикрывать свое негативное отношение к коммунизму и большевизму хотя бы «маской академичности»: для него образцом политической коммуникации служит только западный нетоталитарный дискурс, а советскую политическую коммуникацию он постоянно рассматривает в одном ряду с фашистской политической коммуникацией, отмечая лживость и необъективность любого тоталитарного режима.

Среди публикаций, авторы которых максимально полно демонстрируют неприятие советской власти и всего, что с ней связано (в том числе и изменений в русском языке), особой непримиримостью выделяется книга Андрея и Татьяны Фесенко «Русский язык при советах», изданная в Нью-Йорке [Фесенко 1955]. Один из основных факторов, формирующих советский дискурс, по мнению авторов, заключается в следующем: «Неприглядность советской жизни, расхождение многообещающей пропаганды и невеселой, подчас трагической действительности вызвали у властей необходимость в словесном одурманивании, правда, часто разоблаченном в народе. Самолюбование и самовосхваление являются ширмой, прикрывающей безотрадное существование советских республик, за которыми установились восторженные

эпитеты: цветущая Украина, солнечная Грузия и т.п.» [Фесенко 1955: 30].

Рассматривая многочисленные случаи неудачного словоупотребления, авторы стремятся найти подлинную причину ошибок и делают следующий вывод: «Как бы это ни звучало парадоксально, но именно Революция создала в России исключительно благоприятную почву для засилья всякой канцелярщины, бюрократии и соответствующего им языка» [Фесенко 1955: 24]. Представляется, что свою ненависть к коммунизму названные авторы нередко переносят на все стороны жизни в Советском Союзе, а поэтому их оценки далеко не всегда могут восприниматься как объективные.

Вместе с тем в рассматриваемой книге можно обнаружить весьма интересный обзор публикаций (особенно созданных вне Советского Союза) и немало конкретных замечаний об экспансии заимствований, а также просторечных, жаргонных и диалектных слов, о неумеренном использовании сложносокращенных слов и необоснованном отказе от множества традиционных для русского языка лексических единиц. Обобщая свои наблюдения, авторы пишут: «Но все же основным процессом в советском языке, конечно, явилась не архаизация, а политизация его при широком применении сокращений. Если Ленин пытался определить новый общественный строй формулой (советы + электрификация = коммунизм), то говоря о состоянии русского языка в начальный период существования советской власти, можно для образности воспользоваться аналогичным построением (политизация + аббревиация = советский язык») [Фесенко 1955: 25].

Далее сообщается, что «новые формы жизни, а с ними и соответствующая лексика были чужды народу, так как в значительной степени создавались не им самим, а где-то в правительственных кругах» [Фесенко 1955: 25-26].

Подобный характер (немало метких наблюдений, сопровождающихся чрезвычайно язвительными комментариями и решительными обвинениями) носят и публикации ряда других эмигрантов из Советского Союза [Ржевский 1949, 1951; Тан 1950].

Многие американские советологи проявили себя и как академические ученые, и как непосредственные участники идеологической борьбы, занимавшие те или иные должности в государственном аппарате. Например, профессор Йельского университета Фредерик Баргхорн начинал как дипломат, в конце сороковых годов он работал пресс-атташе американского посольства в Москве, с 1949 по 1951 г. возглавлял федеральный исследовательский проект по интервьюированию иммигрантов из СССР (так называемый «гарвардский проект»). Поэтому его работы наполнены богатым фактическим материалом, в них ярко прослеживается официальная точка зрения. Он пишет: «В со-

ветской пропаганде необычайно высока роль обмана или, как его называют некоторые авторы, «преднамеренной дезинформации» [Баргхорн 2008: 150; в оригинале см.: Barghoorn 1954].

Далее профессор указывает на В.И. Ленина как на политика, который положил начало лжи и лицемерию в советской пропаганде: «В работах Ленина содержится немало призывов к большевикам «использовать» временных союзников, которые подлежат устранению или, при необходимости, уничтожению после того, как они сыграют свою роль. Социальные классы и национальные движения, включающие десятки тысяч и даже миллионов человек, были использованы таким образом, а затем ассимилированы, подавлены или даже «ликвидированы» в соответствии с ленинским лозунгом». Однако большевистский вариант пропагандистской демагогии не является обманом в обычном понимании смысла этого слова. Такая политика становится особенно опасной, так как доктрина и практическая деятельность большевизма оправдывают и превозносят наиболее утонченные формы искажения и обмана как высокоморальные поступки» [Баргхорн 2008: 150]. Ф.Баргхорн последовательно декларировал свои крайне правые взгляды и ненависть к коммунизму. Создается впечатление, что автор даже не предполагает, что в Советском Союзе существовали люди, которые искренне верили в идеалы коммунизма.

К числу советологов, считавшихся «либералами», относится профессор Эрнест Дж. Симмонс, который в середине прошлого века работал в Корнеллском, Гарвардском и Колумбийском университетах, был инициатором изучения советской и русской литературы в США, автором многих работ о русских и советских писателях [Simmons 1961; Симмонс 2008]. Его политические взгляды и научные интересы привлекли внимание комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которая подозревала его (скорее всего, необоснованно) в симпатиях к коммунизму. Вместе с тем следует отметить, что в Советском Союзе он воспринимался как типичный клеветник-антисоветчик, а в его обзоре истории советской литературы [Симмонс 2008] трудно заметить увлечение коммунистической теорией и практикой.

Особое место в американской политической лингвистике занимают кремлинологи – специалисты, которые занимались преимущественно кремлинологией (kremlinology) детальным анализом документов, способных так или иначе пролить свет на личные качества высших советских руководителей и их взаимоотношения. Кремлинологи изобретательно анализировали официальные публикации, подписанные высшими руководителями страны, фотографии (кто находится ближе к Сталину и в какой позе), порядок перечисления политических лидеров Со-

ветского Союза, особенности орфографии и др. Например, важным фактом считалось обнаружение того, что советская пресса начала использовать прописную букву при обозначении должности партийного лидера – Первый секретарь ЦК КПСС Н.С.Хрущев. В качестве одного из сигналов о низвержении Л.Берия было интерпретировано отсутствие его фамилии среди членов Политбюро, посетивших театр.

Ярким примером кремлинологического анализа может служить обширная статья Натана Лейтеса, Эльзы Бернаут и Раймонда Гартноффа «Сталин глазами Политбюро» [Лейтес и др. 2009]. Исследователи детально проанализировали статьи, написанные членами советского руководства по поводу 70-летнего юбилея И.В.Сталина. Авторы обращают внимание уже на сам порядок публикации статей, отражавший иерархию: вместе с общим посланием Сталину от Центрального Комитета Партии и Совета Министров СССР были напечатаны тексты Маленкова, Молотова, Берии, Ворошилова, Микояна, Кагановича, Булганина, Андреева, Хрущева, Косыгина и Шверника (именно в этом порядке). Кроме этого, юбилейный выпуск «Правды» содержал две статьи о Сталине, написанные не членами Политбюро: М. Шкирятовым (секретарь партии) и А. Поскребышевым (личный секретарь Сталина). Высказывания секретарей анализировались с заявлениями, сделанными членами Политбюро. Целью анализа было выяснение распределения власти и характера отношений внутри Политбюро.

Протицируем выводы, сделанные американскими специалистами на основе анализа статей, написанных по поводу 70-го дня рождения И.В. Сталина:

1. «Несмотря на множество индивидуальных отличий между статьями, и, несмотря на вариации внутри каждой из статей, можно выделить два основных образа Сталина, которые в разной степени представлены в разной степени в каждой из статей. Кратко эти образы сводятся к следующему: Сталин – глава Партии, Сталин – вождь народа. Глава Партии – великий человек; Вождь Народа стоит выше, чем кто-либо другой. Главу Партии характеризуют черты Большевика, Вождя Народа – постоянная и безграничная забота о благополучии всех. Ради краткости первое мы назвали «образ Большевика», а второе «популярный образ».

2. С точки зрения этих образов внутри Политбюро можно выделить три группы. Маленков, Молотов и Берия, которые предположительно самые влиятельные члены Политбюро, уделяют больше внимание образу Большевика, чем другие члены, хотя высказывания, относящиеся к популярному образу, все же присутствуют. Каганович, Булганин, Хрущёв, Косыгин и в меньшей степени Микоян и Андреев занимают позицию ближе к популярному образу (также как и Шкирятов и Поскребышев). Шверник и

общее послание Центрального Комитета занимают среднюю позицию. Ворошилов – особый случай, он представляет популярный образ Сталина во вступлении и заключении и очень сдержанный образ Большевика с точки зрения военных операций (в отличие от Булганина)» [Лейтес и др. 2009].

Следует отметить, что кремлинологи, как правило, не использовали прямых оскорблений и личностных оценок; они проявляли определенную корректность. Хотя их политическая ангажированность не вызывает сомнения, важно иметь в виду, что в эпоху маккартизма быть советологом и симпатизировать СССР было опасно. В США советологов нередко подозревали в том, что они находятся под идеологическим влиянием коммунистической пропаганды и даже так или иначе связаны с советской разведкой, поэтому резко антисоветская позиция служила хорошей научной рекомендацией.

3. Итак, в годы холодной войны лингвистическая советология стремительно развивалась, специалисты использовали самые современные для того времени методы и приемы исследования. Среди активных советологов были и университетские профессора, и действующие сотрудники правительственных организаций, люди как либеральных, так и консервативных политических убеждений. Напряженные отношения между Советским Союзом и западными странами нередко способствовали идеологической напряженности соответствующих публикаций, жесткости авторской позиции, подчеркнутой враждебностью к Советскому Союзу и его союзникам. Показательно, что многие советологи настойчиво стремились обнаружить однотипные свойства в советском и фашистском политическом дискурсе.

Важно отметить, что именно в этот период советология получила признание как самостоятельное научное направление, которое активно использовало самые современные для того периода научные методы, среди которых выделялись контент-анализ, квантитативная семантика, риторическая критика, структурные методы, психолингвистические методики, социолингвистический анализ и др. Несомненным было идеологическое и методологическое лидерство американских специалистов, которое в той или иной мере признавали их европейские коллеги.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Лингвистическая советология. – Екатеринбург, 2009.

Будаев Э.В. Американская лингвистическая советология в середине XX века // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24).

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Эволюция лингвистической советологии // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).

Вайс Д. Животные в советской пропаганде // Политическая лингвистика. 2008а. № 2 (25).

Де Сола Пул И. Слово «демократия» // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).

- Лассвелл Г. Стратегия советской пропаганды // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27).
- Лассвелл Г., Блюменсток Д. Методика описания лозунгов // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23).
- Лассвелл Г., Якобсон С. Первомайские лозунги в Советской России (1918-1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).
- Лейтес Н. Третий Интернационал об изменениях политического курса // Политическая лингвистика. 2007. № 1 (21).
- Лейтес Н., Бернaut Э., Гартхофф Р. Сталин Глазами Политбюро // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29).
- Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5.
- Ржевский Л.Д. Язык и тоталитаризм. – Мюнхен, 1951.
- Ржевский Л.Д. Слово живое и мертвое // Грани. – Лимбург, 1949. № 5.
- Симмонс Э. Политический контроль и советская литература // Политическая лингвистика. 2008. № 2 (25).
- Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах. – Нью-Йорк: [б. и.], 1955. 222 с.
- Якобсон С., Лассвелл Г. Первомайские лозунги в Советской России (1918 – 1943) // Политическая лингвистика. 2007. № 21. С. 123-140
- Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1973.
- Barghoorn F. The Soviet Image of the United States: A Deliberately Distorted Image // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – 1954. Vol. 295 (42).
- Bell D. Ten Theories in Search of Reality: The Prediction of Soviet Behavior in the Social Sciences // World Politics. – 1958. Vol. 10.
- Chi W. The Soviet Union Under the New Tsars. – Peking, 1978.
- Comrie B., Stone G. The Russian Language Since the Revolution. – Oxford: Clarendon Press, 1978.
- de Sola Pool I. Symbols of Democracy. – Stanford University Press, 1952.
- Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1964. 164 p.
- Frank V.S. Soviet Studies in Western Europe (Britain) // The State of Soviet Studies / Ed. by W. Laqueur, L. Labeledz. – Cambridge, MA: MIT Press, 1965. P. 52-59.
- Gallis A. Zu Syntax und Stil der gegenwärtigen russischen Zeitungssprache // To Honour Roman Jakobson. – Gravenhage; Paris, 1967.
- Heller M. Langue russe et langue soviétique // Recherches. – 1979. № 39.
- Inkeles A. Public Opinion in Soviet Russia. A Study in Mass Persuasion. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1950.
- Hollander D. Soviet Political Indoctrination: Developments in Mass Media and Propaganda Since Stalin. – New York: Praeger Publisher, 1972.
- Keckskemeti P. The Soviet Approach to International Political Communication // The Public Opinion Quarterly. – 1956. Vol. 20. № 1 (Special Issue on Studies in Political Communication).
- Klein H. Die Abkürzungen in der heutigen russischen Sprache. – Graz, 1949.
- Language of Power: Studies in Quantitative Semantics / Ed. by H.D. Lasswell, N. Leites. – New York: George W. Stewart, 1949.
- Leites N., Bernaut E. Ritual of Liquidation: The Case of the Moscow Trials. Glencoe: Free Press, 1951.
- Leites N., Bernaut E., Garthoff R. Politburo Images of Stalin // World Affairs. 1951. Vol. 3.
- Leites N. A Study of Bolshevism. – Glencoe, Ill., 1954.
- Rush M. The Rise of Khrushchev. – Washington, 1958.
- Schramm W. The Soviet Communist Theory // Four Theories of the Press / Ed. by F.S. Siebert, T. Peterson, W. Schramm. – Urbana: University of Illinois Press, 1956.
- Simmons E. Political Controls and Soviet Literature // Soviet Society: A Book of Readings / A. Inkeles, K. Geiger (Eds.). – Boston: Houghton Mifflin, 1961.

© Будаев Э.В., Чудинов А.П., 2009